

НЕИЗВЕСТНЫЙ БОРИС САДОВСКОЙ В АРХИВЕ М. А. ЯХОНТОВОЙ

© 2018 г. Ю. А. Изумрудов

Кандидат филологических наук, доцент Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603000, Нижний Новгород, Большая Покровская, д. 37
izumrud.nnov@mail.ru

Дата поступления материала в редакцию 2 ноября 2018 г.

THE UNFAMILIAR BORIS SADOVSKOY IN MARINA YAKHONTOVA'S RECORDS

© 2018 Jurij A. Izumrudov

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University,
Bolshaja Pokrovskaja 37, Nizhny Novgorod, 603000, Russia
izumrud.nnov@mail.ru

Received by Editor on November 2, 2018

В статье вводится в научный оборот неизвестная поэма Б.А. Садовского “Вениамин Терновский” (1904), сохранившаяся в домашнем архиве московского филолога и мемуариста, уроженки Нижнего Новгорода М.А. Яхонтовой. На основе неопубликованных эпистолярных материалов реконструируются жизненно-прототипические реалии поэмы. Рассматриваются и другие произведения Садовского, связанные с этой еще не опубликованной поэмой.

The article introduces to scholarship the hitherto undiscussed poem “Veniamin Ternovskiy” (1905) by Boris Sadovskoy, which was preserved in the private archive of M.A. Yakhontova, a Moscow philologist and memoir-writer, a native of Nizhny Novgorod. Drawing upon previously unpublished epistolary materials, the article attempts to reconstruct the factual background of the poem. Other works by Sadovskoy, having a bearing on the poem, are also taken into account.

Ключевые слова: Б.А. Садовской, М.А. Яхонтова, “Вениамин Терновский”, “Евгений Онегин”, Нижегородское реальное училище, символизм.

Key words: B.A. Sadovskoy, M.A. Yakhontova, “Veniamin Ternovskiy”, “Eugene Onegin”, Nizhniy Novgorod Real School, Symbolism.

DOI: 10.31857/S241377150003062-1

Как-то в пору нашего активного краеведческого поиска, связанного с творчеством и судьбой Бориса Садовского, его внучатая племянница Е.А. Новикова порекомендовала нам встретиться с проживавшей в Москве своей родственницей, внучкой бывшего директора Нижегородского Владимирского реального училища Д.А. Глазова Мариной Александровной Яхонтовой. И вот мы в гостях у Марины Алексан-

дровны. Ей почти 90 лет, но держится она на зависть младежам, с подчеркнутым оптимизмом, что невольно передается собеседнику. Очень искренна, доброжелательна, тактична. Образец интеллигентности! Замечательно эрудированна – в литературе, искусстве, истории... Наше общение с нею вылилось в ее нескончаемые увлекательные рассказы-монологи (а у Марины Александровны великолепный образ-

ный язык, удивительная память, дар привлечь внимание слушателя) – о ее родословной, многочисленных сородичах (среди них, например, М.М. Сперанский, ближайший сподвижник императора Александра I), о своей судьбе, о Нижнем Новгороде – городе детства, о его культуре, традициях, примечательных людях. И, что нас особенно интересовало, – о Борисе Садовском. В уникальных семейных фотоальбомах, составлявшихся на протяжении почти века, – редкие снимки поэта, его друзей, родственников. В бережно хранимой папочке – его неизвестные автографы; наряду с посланиями к Л.Д. Глазовой-Яхонтовой (матери Марины Александровны), различными стихами “на случай”, была здесь и поэма “Вениамин Терновский”: с десятков выцветших полуистлевших уже листочков, исписанных характерным для раннего Садовского почерком¹. Интересное произведение, читавшееся на одном дыхании, с занимательной интригой, колоритнейшими персонажами. Бесспорная творческая удача начинающего стихотворца.

Ни в фонде Б.А. Садовского в РГАЛИ, ни в других государственных и частных собраниях никакой информации о поэме не нашлось. По всей видимости, экземпляр Марины Александровны – единственный дошедший до нас список “Вениамина Терновского”, что придает ему особую ценность.

В поэме “Вениамин Терновский” сказались органично присущая Садовскому увлеченность художественными свершениями Пушкина. Особый здесь интерес вызывает то, что поэма эта относится к самому началу литературной деятельности Садовского, когда еще только складывалась его писательская манера. Еще только два года прошло, как Садовской приехал из Нижнего в Москву учиться в университете и только начал сотрудничать в журнале “Весы”. В конце 1930-х гг. в своих мемуарах он напишет: «Когда <Брюсов> пригласил меня в “Весы”, я был безусый мальчик-студент, случайный участник мелкой провинциальной газетки; выходил я из “Весов” <...> сотрудником виднейших журналов и газет» [1, с. 37]. Трудный, тернистый был этот путь к “сотруднику виднейших журналов и газет”. Садовской состоялся как творческая личность, как художник, у него были несомненные природные задатки, о чем как раз и свидетельствует “Вениамин Терновский”, видимо, не предназначавшийся к публикации, а рассчитанный только на узкий круг друзей и знакомых как незамысловатая поэма-шутка, не притягивающая на строгую критику. Садовской в свои молодые годы (да и не только) много писал в подобном

импровизационном стиле, но не придавал этому значения. Современники же, хорошо знавшие его в быту, в дружеском общении, как раз очень ценили именно такого рода его творения подчас даже выше тех произведений, которые он считал этапными для себя как художника и включал в свои книги.

«Его лирический герой как бы высоко приподнят над прозой повседневного бытия, – писала в своих неопубликованных пока воспоминаниях М.А. Яхонтова. – Но в жизни <...> он был “душой общества”, который фейерверком рассыпал каламбуры и эпиграммы – иногда в духе “дружеского шаржа”, но нередко и колючие. Однажды он поиздевался над каким-то Шаповаленко, составив во время игры в шараду его фамилию из элегантно шляпы (по-французски – “шапо”) и огромного, продранного валенка, позаимствованного у дворника. Другой раз обыграл не совсем обычную фамилию Малом, просклоняв ее во всех падежах и временах:

Лиза, мама, я сама
Говорим – о Малом!
Нет нигде в краю другом
Больше эдаких Малом,
И во всех кругом домах
Говорят о Малом... и т.д.»²

Говоря о своей матери, Марина Александровна добавляет: «Шуточные стихи Садовского и его каламбуры нравились ей больше, чем его насквозь подражательная “блокообразная” лирика»³.

Поэма “Вениамин Терновский” представляет собой своеобразную вариацию на темы “Евгения Онегина”: используется “онегинская строфа”, даются парафразы из текста романа, пародируется линия Онегина и Татьяны. В основе сюжета произведения Садовского – комическая любовная история, шумевшая в студенческой и гимназической среде Нижнего Новгорода: некая возмнившая себя “героиней поэм” Катенька Крюкова в момент получения любовного признания от Вениамина Терновского в пылу

¹ Садовской Б.А. Вениамин Терновский. Рукопись. 14 с. (Личный архив М.А. Яхонтовой).

² Яхонтова М.А. Наши корни: Воспоминания. Рукопись. С. 59. (Личный архив М.А. Яхонтовой). Воспоминания эти обширны (вся рукопись – 900 с.), насыщены богатейшей информацией о культурной, общественной жизни России на протяжении самых значимых периодов ее истории XX в. Представляется важным осуществить их публикацию. Воспоминания, вне всякого сомнения, найдут немало заинтересованных читателей. Кроме того, М.А. Яхонтова была талантливым поэтом, и стихов в ее архиве – на целый том.

³ Яхонтова М.А. Наши корни: Воспоминания. Рукопись. С. 77. (Личный архив М.А. Яхонтовой).

страсти ... укусила его руку, а после настояла, чтобы он похитил ее из дома с целью тайного их венчания.

Пушкинское задается уже эпиграфом – строками из “Евгения Онегина” – к первой части поэмы:

Кругла, красна лицом она,
Как эта глупая луна
На этом глупом небосклоне!⁴

Эти детали онегинского портрета Ольги Лариной переадресованы героине поэмы Садовского.

По-пушкински выдержан и зачин поэмы (в первой строфе первой песни):

В те дни, когда в преддверье “Рая”
Вступал я робким новичком
И, звукам “Фауста” внимая,
Увидел “Ангела с мечом”, –
Когда на глазовском спектакле
Я разгорелся ярче пакли
И вдохновенный мадригал
В воображении слагал, –
Тогда, в тот вечер незабвенный
Производил фурор один
Наш “Мефистофель” – Веньямин:
Пел, как Шаляпин вдохновенный
И был усердно, как и он,
Аплодисментами почтен⁵.

Здесь, конечно же, явные парафразы начальной строфы восьмой, заключительной главы “Евгения Онегина”: “В те дни, когда в садах Лицея...” [2, с. 142].

Современному читателю реалии процитированной строфы Садовского по большей части неясны – прежде всего из-за узкой адресации произведения. На счастье, в домашнем архиве Е.А. Новиковой отыскалось адресованное ее матери А.А. Новиковой письмо М.А. Яхонтовой от 5 октября 1987 г., целиком посвященное разбору “Вениамина Терновского”. Это блистательное (и довольно объемное) мемуарно-критическое эссе, заслуживающее публикации вместе с текстом поэмы. Здесь приведем лишь отдельные из него фрагменты.

Так, по толкованию Марины Александровны, “*Раем*”, упомянутым у Садовского («...в преддверье “Рая”»), в нижегородской молодежной среде начала XX века прозывалось городское реальное училище, помещения которого во внеурочное вечернее время отдавались под культурный досуг учащимся и их

друзьям и знакомым. В этом “*Рае*” однажды соединенными усилиями молодежи был поставлен спектакль по мотивам оперы Ш. Гуно “*Фауст*”. “*Глазовский спектакль*” – так он назван в поэме Садовского, потому что подмостками его была зала училища, где директорствовал Д.А. Глазов, а одну из ролей сыграла его дочь Лидочка Глазова, в которую тогда был влюблен Садовской и которой посвящал свои стихи: по сценарию она представляла ангелом, который мечом из картона и фольги «изгонял из темницы» Фауста и Мефистофеля и склонялся над лежащей на полу Маргаритой⁶. Партию Фауста исполнил Всеволод Багадулов, приходившийся родственником Лидочке: он был женат на ее сестре Наталье⁷. Ну а Мефистофелем был приятель Багадулова, чьи именем, собственно, и названа поэма, – Вениамин Терновский. Его пение, как выше отмечалось, произвело фурор в аудитории “Рая”. Но повосхищались, посадили – и позабыли...

Лишь Катя Крюкова одна
Была навеки пленена⁸.

И, склонная к аффектации и экзальтации, разыграла уже свой спектакль, но не сцене, а прямо в жизни, и резонанс его уже был таков, что многократ-

⁶ Яхонтова М.А. Письмо к А.А. Новиковой от 5 октября 1987 г. С. 5. (Личный архив Ю.А. Изумрудова).

⁷ Та обожала мужа, считала его музыкальным гением и всю себя посвятила ему; увы, Всеволод Алавердиевич, будучи уже профессором Московской консерватории и доктором музыковедения, оставит ее – по сути предав – ради новой молодой жены. И судьба покарает его как музыканта-профессионала: в новой семье Багадулова не будет наследников, и после смерти его и его избранницы их неграмотная домработница, вступившая во владение имуществом, сожжет за ненадобностью рукописный клавир оперы по роману И.С. Тургенева “Дворянское гнездо” – труд всей жизни композитора, мечтавшего поразить им современников. И вот еще примечательный факт, никому пока неизвестный: Веронику Полонскую – да, ту самую, связанную с судьбой Маяковского – в ее юные годы прочили, правда безуспешно, в невесты сыну Всеволода и Натальи Багадуловых Георгию. Добавим также: женой Георгия стала Нина Кашина, дочка знаменитой по биографии Сергея Есенина Лидии Ивановны Кашиной – одного из прототипов образа Анны Снегиной в одноименной поэме. Нина всю жизнь прожила в семье Багадуловых, даже когда развелась с мужем Георгием. Этим двум интересным сюжетам, связанным с судьбами Маяковского и Есенина, в толковании мемуаристки М.А. Яхонтовой, мы планируем посвятить специальные статьи.

⁸ Садовской Б.А. Вениамин Терновский. Рукопись. С. 2. (Личный архив М.А. Яхонтовой).

⁴ Садовской Б.А. Вениамин Терновский. Рукопись. С. 1 (Личный архив М.А. Яхонтовой).

⁵ Садовской Б.А. Вениамин Терновский. Рукопись. С. 1 (Личный архив М.А. Яхонтовой).

но превзошел то, чем ознаменовалось представление творения Гуно в зале реального училища.

Признаемся, поначалу историю Катеньки Крюковой, а равно и сам ее образ в поэме, мы считали творческим вымыслом Садовского (уж слишком тут все было экстравагантным): ни в одном из доступных нам источников не было даже и малейшего намека на все это. Письмо Марины Александровны твердо свидетельствует: нет, не вымысел, а самая что ни на есть реальность, хотя, конечно же, и художнически *поправленная*. Цитируем:

«Героиня “Вениамина Терновского”, которую твой дядя изобразил в весьма непривлекательном виде, по словам моей мамы, была недурна собой: плотненькая, пышноволосяя, с ярким румянцем во всю щеку, словом, тот самый женский тип, который принято обозначать словами “русская красавица”. Но ее бедой было то, что ее молодые годы совпали с модой на декаданс, когда в женщинах и девушках ценились хрупкость и бледность, а пышные формы и яркий румянец были совсем не в почете. Бедная Катя Крюкова, сознавая это, старалась внешним поведением компенсировать свою “немодность” и, ориентируясь на блоковских лирических героинь, всячески напускала на себя таинственность и загадочность “Незнакомки” или “Снежной маски”. Временами, подражая Кармен (тоже одной из блоковских героинь!), она вдруг меняла свои белые одеяния на яркие шали и из “весталки” превращалась как бы в “вакханку”, – как выражался мой папа, – бывала, в зависимости от собственного настроения, то “мадонистой”, то “карменистой”. Вся эта линия поведения плохо гармонировала с ее внешним обликом, и чем больше бедняжка напускала на себя “тайны”, тем больше над ней иронизировали.

Романтикой попыталась она обставить и свое замужество. И обвенчалась она с В. Терновским почему-то в деревне, тайно от всех, и жили супруги в разных городах, хотя ничто не мешало им соединиться под общей крышей: Катя Крюкова была совершеннолетней сиротой с приличным состоянием, сама себе хозяйкой.

Когда моя бабушка Ю.Н. Глазова спросила ее в присутствии всего своего семейства: “– Почему вы скрывали от всех нас, что вы замужем? Мы поздравили бы вас, порадовались бы вашему счастью”, – та, смутившись, ответила:

“– Я сама не знаю, как это со мной произошло! Я не хотела выходить замуж! Но Вениамин меня похитил...”

Всех этот ответ очень насмешил. Во-первых, Катю не у кого было похищать, во-вторых, никто за ней в

Нижний не приезжал, а, наоборот, “похищенная” сама явилась в Москву к “похитителю”, и, наконец, всем были достаточно известны эксцентричность невесты и вялый, невозмутимый нрав жениха, принадлежащего к тому типу мужчин, которых обыкновенно называют “тюфяками”.

Все это, конечно, было рассказано Бор.<ису> Ал.<ександрови> чу, и он буквально на следующий же день явился в “Рай” с этой поэмой. <...>

А как талантливо обыграл Бор.<ис> Ал.<ександрови>ч эпизод с укушенной рукой! На самом деле никакого громоподобного воя и кровавых потоков, конечно, не было, – но действительно девушка, услышав любовное признание, до крови укусила руку своего избранника, требуя, чтобы он кровью подписал свою любовную клятву. Конечно, Бор.<ис> Ал.<ександрови>ч с его юмором не мог пройти мимо этого»⁹.

Метатекстовое прочтение “Вениамина Терновского” – да, казалось бы, поэмы-однодневки, вещицы “на случай”, – дает тем не менее немалый материал для осознания системы взглядов и предпочтений автора, для понимания того, что он, прошедший искушение декадентством, в своих представлениях об истинной женской красоте исходил из классических ценностей и традиций, и особое значение в этом плане для него имел хрестоматийный пушкинский образ Татьяны Лариной.

Там тихо взрос я с Пушкиным в руках,
Предчувствую *тебя* в моих мечтах, [3, с. 32] –

так писал Садовской в поэме 1907 года “Она” (*тебя* здесь – то есть идеальной нетленной любви).

Выше мы уже приводили эпиграф к “Вениамину Терновскому” из “Евгения Онегина”. Эти строки, как камертон к образу отрекающейся от своего природного обаяния “Катрин де-Крюков”, взяты из сюжетно самой значимой строфы романа Пушкина, из начала третьей главы, их произносит Онегин, недоумевающий в беседе с Ленским после посещения семейства Лариных:

“Неужто ты влюблен в меньшую?”
– А что? – “Я выбрал бы другую,
Когда б я был, как ты, поэт.
В чертах у Ольги жизни нет” [2, с. 50].

Когда б я был, как ты, поэт. Нам уже приходится отмечать (в докладе на Болдинских чтениях 2017 года, специально посвященном пушкинским моти-

⁹ Яхонтова М.А. Письмо к А.А. Новиковой от 5 октября 1987 г. С. 5–7. (Личный архив Ю.А. Изумрудова).

вам разбираемой поэмы), что новоявленный Онегин, поэт Садовской (сохранились фотографии, где он снят позирующим под оперного Онегина) напишет произведение, в определенном отношении продолжающее “Терновского”, – балладу “Послание” (1909), где он также *выбирает другую* – свою Татьяну Ларину (характерно, что и имя это упоминается), и именно через посредство образа любимой пушкинской героини подчеркивает свой женский идеал. Вот эта баллада, ее первый вариант, предпубликационный:

Средь бледных жизненных видений,
Горящих в царстве дум моих,
Ты властвуешь над сонмом теней, –
Звезда меж призраков ночных.

Всегда являешься ты первой.
И вижу я в уме моем
Тебя божественной Минервой
С горгоной шлема и с копьем.

Глубокие суровы очи,
Спокойны вещие слова.
Им внемлет спутница полночи –
Твоя послушная сова.

Но чаще в облаке мечтаний
Иной являешься мне ты,
И милой Тани, бедной Тани
Я узнаю в тебе черты.

И знаю: ждешь ты безнадежно
Того, кто был мечтой твоей, –
С душою девственной и нежной,
Бродя в тени родных аллей.

А твой бездушный друг Евгений
Стал жертвой пошлой суеты.
Он чужд глубоких вдохновений,
Его спасти бессильна ты.

Кто знает, может быть, влюбленный,
Он ждет, что ты простишь его.
Безумец жалкий, ослепленный,
Бежавший счастья своего?

Но если б вновь он боязливо
Припал с мольбой к ногам твоим,
Скажи, была ли б ты счастлива
Мгновением любви одним? [4, с. 437–438].

Процитированные строки перекликаются с “Терновским” контекстом женского идеала в творчестве Садовского. Посвящены они Ольге Геннадиевне Чубаровой, подруге юности, его сокровенному человеку, с которым, как он, увы, с опозданием понял,

могло быть его жизненное счастье. В данном контексте увязываются (хоть и с разным порой акцентным звучанием), на определенном жизненном этапе, образы О.Г. Чубаровой и “Ангела с мечом” – Л.Д. Глазовой. В концептуально значимом для творческого самоопределения Садовского сборнике 1915 года “Полдень”, в разделе “Послания” (наряду, кстати, с обращениями к Блоку и Ахматовой), помещено стихотворение “К портрету” (1905), посвященное Л.Д. Глазовой: здесь “как сестры” представлены адресат и будущая “бедная Таня” – О.Г. Чубарова:

Широкий зонт как парус пестрый
В лазури бледно-голубой.
Они стоят под ним, как сестры,
Плечо к плечу, рука с рукой.

Как будто с Сумерками Утро
В объятье дружном сплетены.
Одна, белее перламутра,
Сияет призраком весны.

В другой таятся пламень жгучий,
Пронзивший скорбью темный взгляд:
Она восходит алой тучей
На загоревшийся закат.

Но в Утре первых струй певучесть,
Роса и шепоты цветов.
Ах, что зари вечерней жгучесть
Пред блеском ранних облаков!

То ландыш в девственном уборе,
В хрустальном свете белизны,
В ее лучисто-кротком взоре
Сияют призраки весны.

Под белой ангельской одеждой,
В расцвете утренних лучей,
Она прекрасна, как надежда,
Надежда новых лучших дней. [4, с. 180].

Здесь на первом плане – образ “Ангела” – Л.Д. Глазовой. А вот что говорится о героине автобиографического “романа с ключом” “Побеги жизни” (1913): “Как прекрасна бывала <она> на ученических и клубных вечерах в форменном коричневом платье с черным передником и бантом в пышной, густого золота косе или в прозрачно-кружевном, будто из белоструйного хрустала выточенном бальном костюме, с высокой модной прической. Тогда выступала еще нежней и еще невинней первоцветная красота в ее гаснущих полудетских чертах” [5, с. 28]. Как верно замечает исследователь и биограф Садовского Т.В. Анчугова, «...это – Оля Чубарова, хотя заметно,

что на ее портрет набрасывается легкий флер с чертами ее гимназической подруги (к которой поэт давно заметно охладел, а когда писал повесть, сообщал Ольге Геннадиевне из Нижнего: “видел *ex*-ангела, печальное зрелище”») [4, с. 437].

Ex-ангел... Но как бы то ни было, мы помним строки из стихотворения 1903 года, еще до “Терновского”:

А я обеих вас любил
Любовью искренней и нежной,
И в жизни образ ваш светил
Мне, как маяк в дали безбрежной. [4, с. 428]

И образ этот (любопытно, что он как бы нераздельный, един), при всех перипетиях, неизменно домысливается нами в заданной самим автором онегинской системе координат: “И милой Тани, бедной Тани / Я узнаю в тебе черты”.

Чубаровский мотив заслуживает отдельного об-суждения. Здесь же, в завершение, коротко о том, что значить будет “Ангел с мечом” в последующей судьбе Садовского, в очень горькие послереволюционные годы, когда он, отвергнутый соцреализмом писатель, немощный инвалид, будет влачить жалкое существование в келье Новодевичьего монастыря. Снова процитируем письмо Марины Александровны:

“До последних дней жизни Б.<ориса> А.<лександровича> мама изредка навещала его. Обычно ее визиты были связаны с церковными праздниками. Когда она приходила в Новодевичий на родную могилу. На пасху она часто приносила Б.<орису> Ал<ександрови>чу гостинец: маленький куличик, немножко пасхи, 2–3 крашенных яйца. Он всегда ждал ее в эти дни и однажды (это было уже в конце 40-х годов) продиктовал ей сочиненный в ее честь акrostих, который прилагаю:

Ловя счастливые минуты,
И я слогал когда-то стих
Для Лиды, Леночки и Нюты,
А ныне вспоминаю их.
Я был в Раю вполне Реальном, –
Хоть это трудно совместить, –
Об ангеле его хрустальном
Не в силах сердце позабыть.
Тоскую я о юном, внешнем,
О днях, ушедших без следа.
Вы – Яхонтова в мире внешнем,
А в сердце – Глазова всегда»¹⁰.

¹⁰ Яхонтова М.А. Письмо к А.А. Новиковой от 5 октября 1987 г. С. 8. (Личный архив Ю.А. Изумрудова). Текст акrostиха Садовского публикуется впервые (как и фрагменты из письма М.А. Яхонтовой).

Я был в Раю вполне Реальном... Сколь емким смыслом исполнена эта фраза! Конкретное провинциальное местечко, сокровенно дружеская атмосфера Нижегородского реального училища – все это стало восприниматься на временном расстоянии как сама дореволюционная Россия, заповедная праведная держава, интеллигенцией Серебряного века принесенная в жертву большевистской химере. И, увы, при всем изначально резком неприятии революции, Садовской – и это он ясно осознал – объективно был плоть от плоти этой интеллигенции. И тем горше, трагичнее осознавалась им современность, исходом из которой была только память – “о юном, внешнем, / О днях, ушедших без следа”.

Я был в Раю вполне Реальном... Шуткой была та юная, внешняя поэма “Вениамин Терновский”. Но не случайно говорят, в каждой шутке есть доля шутки...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Садовской Б.А. “Весы” (Воспоминания сотрудника) // Минувшее: Исторический альманах. 13. М.; СПб.: Atheneum: Феникс, 1993. С. 7–53.
2. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 5. Л.: Наука, 1978. 528 с.
3. Садовской Б.А. Она // Садовской Б.А. Косые лучи: Пять поэм. М.: Изд. В. Португалова, 1914. С. 27–33.
4. Садовской Б.А. Морозные узоры: Стихотворения и письма. М.: Водолей, 2010. 568 с.
5. Садовской Б.А. Побег жизни (Часть вторая, глава вторая) // Северные записки. 1913. № 7. С. 5–33.

REFERENCES

1. Sadovskoy, B.A. “The Scales” (A Coworker’s Memoires). *The Past: a Historical Miscellany. N 13*. Moscow, St. Petersburg, Atheneum: Phoenix Publ., 1993. P. 7–53. (In Russ.)
2. Pushkin, A.S. Complete Works: in 10 Vols. Vol. 5. Leningrad, Nauka Publ., 1978. 528 p. (In Russ.)
3. Sadovskoy, B.A. She. *Sadovskoy, B.A. Slanting Rays: Five Poems*. Moscow, Izd. V. Portugalova Publ., 1914. P. 27–33. (In Russ.)
4. Sadovskoy, B.A. Frosty Patterns: Poems and Letters. Moscow, Vodoley Publ., 2010. 568 p. (In Russ.)
5. Sadovskoy, B.A. Sprigs of Life (Part Two, Chapter Two). Northern Notes. 1913. N 7. P. 5–33. (In Russ.)